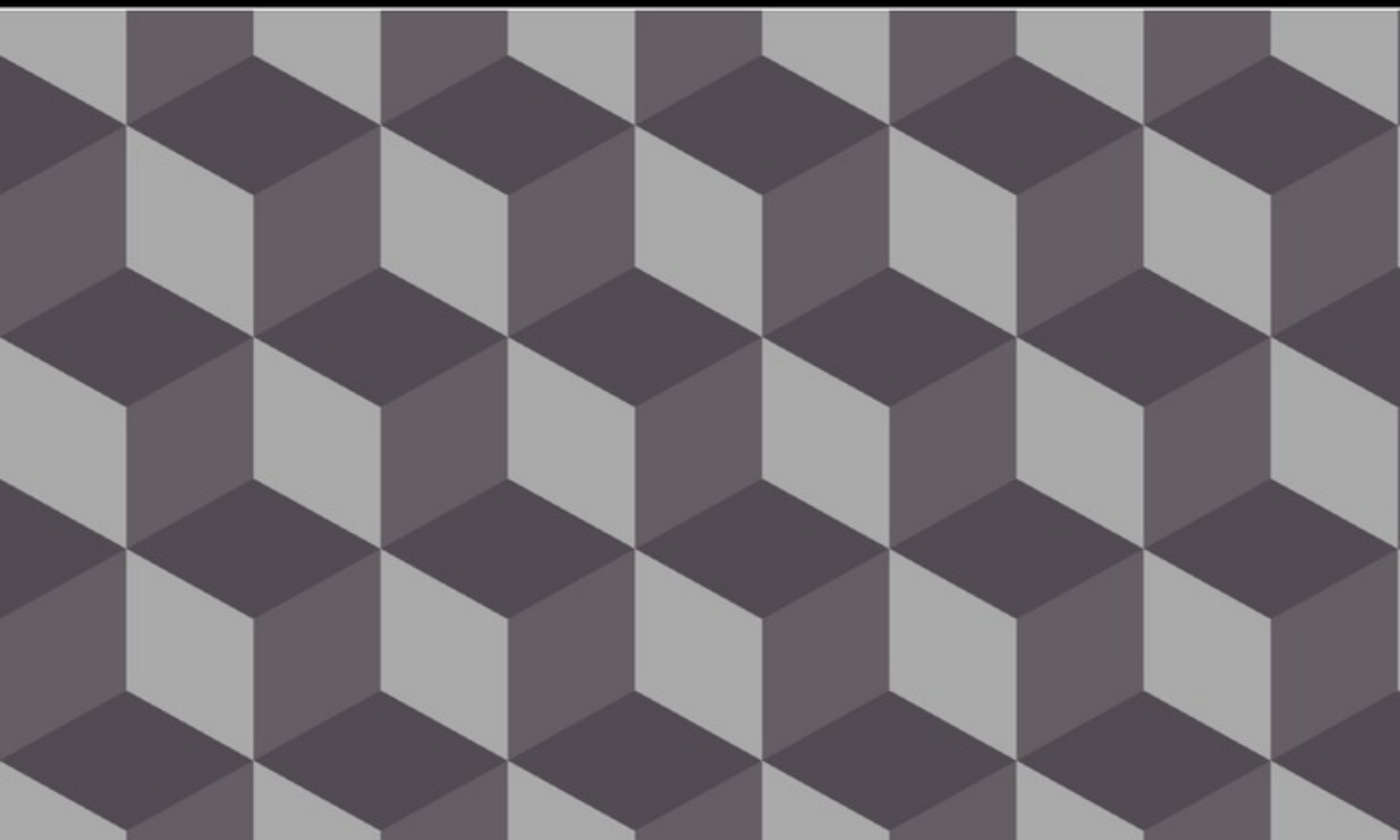


Сергей Осипов

# *Аппиева дорога*

Повесть-эссе



Сергей Осипов

**Аппиева дорога. Повесть-эссе**

«Издательские решения»

**Осипов С.**

Аппиева дорога. Повесть-эссе / С. Осипов —  
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831742-2

Историко-философская повесть-эссе «Аппиева дорога» погружает читателя в причудливую полутень загадочных событий накануне падения Римской республики. Реконструкция малоизвестных фактов, предшествовавших этому переломному времени, оснащена изложением этико-интеллектуальных воззрений той эпохи, не потерявших актуальность и в наши «просвещённые» дни.

ISBN 978-5-44-831742-2

© Осипов С.  
© Издательские решения

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| 1                                 | 7  |
| 2                                 | 9  |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 11 |

# Аппиева дорога

## Повесть-эссе

### Сергей Осипов

© Сергей Осипов, 2016

ISBN 978-5-4483-1742-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В основу положены действительные события января 52 года до н.э., происходившие в Римской республике накануне её падения. Поэтому автор считает необходимым представить список реальных исторических лиц, упоминаемых в тексте, а также лиц, не известных Истории, что не мешает им, однако, быть реальными. Длительные размышления и логика событий убедили меня в существовании Сцепия Тронция, Феодора, Гудрунхен и ещё двух-трёх персонажей, имена которых приводятся ниже.

**ПОПУЛЯРЫ**, народная партия:

**МАРИЙ**, Гай (Gaius Marius), 157 – 86 гг., трибун 119 г., претор 115 г., консул 106 г., 104 – 100 гг. и 86 г.

**СЕРГИЙ КАТИЛИНА**, Луций (Lucius Sergius Catilina), ок.108 – 62 гг., претор 68 г., организатор заговора против сената в 63 г.

**КЛОДИЙ ПУЛЬХЕР**, Публий (Publius Clodius Pulcher), 93 – 52 гг., трибун 58 г., вождь плебса.

**ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ**, Гай (Gaius Julius Caesar), 102/100 – 44 гг., квестор 68 г., эдил 65 г., верховный понтифик с 63 г., претор 62 г., консул 59 г., 48 г., 46 – 44 гг., проконсул Галлии в 58 – 54 гг., диктатор на 10 лет с 46 г., пожизненный диктатор с 44 г.

**АНТОНИЙ**, Марк (Marcus Antonius), 83 – 30 гг., начальник конницы у Цезаря, впоследствии триумвир.

**ЭМИЛИЙ ЛЕПИД**, Марк (Marcus Aemilius Lepidus), 83 – 13/12 гг., претор 49 г., консул 52 г. (отстранён от магистратуры в январе) и 46 г., после смерти Цезаря великий понтифик.

**АННИЙ МИЛОН**, Тит (Titus Annius Milo), трибун 57 года, ставленник оптиматов.

**ОПТИМАТЫ**, партия сената:

**КОРНЕЛИЙ СУЛЛА**, Луций (Lucius Cornelius Sulla), 138 – 78 гг., квестор 107 г., претор 93 г., пропретор 92 г., консул 88 г., диктатор 82 – 79 гг.

**ПОМПЕЙ МАГН**, Гней (Gnaeus Pompeius Magnus), 106 – 48 гг., консул 70 г., 55г. и 52г.

**ПОРЦИЙ КАТОН МЛАДШИЙ**, Марк (Marcus Porcius Cato Minor), 95 – 46 гг., квестор 65 г., претор 54 г., трибун 62 г.

**ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН**, Марк (Marcus Tullius Cicero), 106 – 43 гг., квестор 75 г., эдил 69 г., претор 66 г., консул 63 г.

**ФАБИЙ МАКСИМ** (Fabius Maximus), патриций. Род Фабиев участвовал во всех исторических событиях Римской республики.

Прочие:

**КЛОДИЯ**, воспитанная под именем Лесбии в стихах Катутла, сестра Клодия Пульхера.

**СЦЕПИЙ ТРОНЦИЙ**, патриций, землевладелец из Лация.

**АЛЕБОРГАН**, посол племени лугиев.

**ГУДРУНХЕН**, племянница посла, символ объединения германцев.

**ФЕОДОР**, грек, раб Клодия.

**КРАТИЛ**, клиент Милона.

КЛАВДИЙ СЛЕПОЙ, Аппий (Appius Claudius Caecus), цензор 312 г., консул 307 г. и 296 г. В год своего цензорства проложил первую римскую мощёную дорогу, названную впоследствии Аппиевой.

# 1

В пятый день после январских нон года консульства Помпея Магна и Марка Лепида граждане общины собрались на Форуме. Это был эпизод борьбы, разгоревшейся со времён Мария и Суллы, между теряющей могущество партией оптиматов и народным недовольством, искусно подогреваемым честолюбивой молодёжью из патрицианских родов. Решался вопрос: заключать ли мир и союз с германским племенем лугиев, чтобы набрать вспомогательные войска для дальнейшего ведения войны в Галлии, или отпустить посла без мира, вынуждая Цезаря вернуться в Рим без триумфа.

Дело оптиматов оказывалось под угрозой. Пока удачливых честолюбцев хватало, можно было маневрировать, натравливая одного на другого, но теперь их число стремительно сокращалось, а могущество остающихся ещё более стремительно росло. Настал день, когда демократия, выражавшаяся в отсутствии чьей-либо определённой власти, могла сохраняться только благодаря скованности Цезаря, ведшего трудную войну в Галлии, и благодушию Помпея, отдыхающего в Риме от войн. Первые явные успехи Северных легионов разбили бы зыбкую идиллию республиканцев. Ещё раньше под предлогом расширения военной экспансии Цезарь требовал у сената денег для набора вспомогательных войск. Теперь союз с полувраждебными германцами был бы для него неожиданной удачей, слишком крупной, чтобы не вызвать у сената тревогу.

Не менее беспокойно складывались дела в Городе. Римская беднота и приведённые Помпеем с Востока ветераны надеялись только на перемены. С тех пор как трибуну Клодию Пульхеру удалось ограничить власть цензоров и даже добиться изгнания лидеров оптиматов Катона и Туллия, римский плебс, этот «колосс без головы», обрёл, наконец, голову. И хотя партия сената сумела, играя на честолюбии Милона – другого народного вождя, нейтрализовать успехи популяров, равновесие было непрочным.

Пять лет на улицах города шли кровопролитные бои. В этих столкновениях народ сам сдерживал своё недовольство. Однако, как хорошо понимали сенаторы, политическая игра не в силах прятать правду до бесконечности. Любое голосование, даже по незначительному поводу, могло подорвать популярность Милона. И тогда Клодий стал бы неудержим.

В описываемый день комиции на Форуме затрагивали глубины жизни государства – решалась его судьба. Гудение собравшейся под открытым небом толпы сплеталось из отдельных выкриков, восклицаний, угроз и жалоб людей, каждый из которых имел всего лишь один голос, всего лишь один сжатый в кулаке камешек, и его предстояло бросить в урну «ЗА» или «ПРОТИВ». Что значит «ЗА», и что значит «ПРОТИВ» объясняли ораторы, придавая однозначные юридические формулировки противоречивым чаяниям многих и многих людей. Народ не слышал, да и не слушал выступавших, ибо для большинства «ЗА» и «ПРОТИВ» означало: за или против Клодия.

– Тише, тише. Пульхер на возвышении. Что он говорит?

– Не важно. Главное, нас он не оставит, своего добьётся.

– Он всегда своего добивается, наш Клодий.

– Верно! Кто прогнал мерзкого законника Туллия?

– Клодий!

– Кто убрал на Крит брызгу Катона?

– Наш красавчик!

– Кто наставил рога самому Цезарю?

– Ерунда! Цезарь мечтал избавиться от Помпеи.

– Но в суде он сказал, что ничего не знает...

– Да здравствует Цезарь!

- Кто плохо говорит о Цезаре? Кто...
- Успокойся, никто не трогает Цезаря. Все знают: Клодий и Цезарь – друзья. Куда Цезарь – туда и Клодий, куда Клодий – туда и Це...
- Друг у друга девчонок отбивают, по одним шатаются тавернам.
- Здорово сказано!
- ...и сейчас, что говорил Клодий? Заключить союз с Алеборганом. Зачем? Чтобы Цезарю набрать дополнительные когорты из германцев.
- Слава Помпею! Долой Цезаря! Пусть гниёт в галльских болотах. Помпей Великий несёт нам роскошь и изобилие. Он даст Риму золотой век.
- Заткнись! Помпей перестал быть воином. Он спит. Что сделал он после Митридата?
- Слушайте, слушайте! Сейчас объявят, добился ли Клодий своего.
- Громовой рёв восторга одних, смешанный с негодованием других, прокатился над Форумом, когда объявили, что в результате вольных комиций победило предложение трибуна Клодия: заключить союз с германцами, но на переговоры поедет Милон.
- Долой Милона! Эввива Клодий! – несло со всех сторон площади.
- Огромный господин в сенаторской тоге прежде, чем скрыться в прохладе паланкина, кивнул стоящему рядом молодому человеку:
- Похоже, это Туллий, хитрая лиса, добился такого двусмысленного решения.
- Да... – в досаде юноша поджал губы, – Милон договорится скорее с весталкой в храме, чем с Алеборганом, – вдруг оживился: – Ого, смотри скорее, кажется, громят курию.
- На возвышении для ораторов вновь появился Клодий. Медленным движением подняв и раскинув, словно для объятия Форума, руки со свободно свисающими складками широкой тоги, он заставил народ успокоиться и замолчать. Мгновенность такого перехода воспринималась как чудо. В наступившей тишине все услышали одно только слово, последний звук которого потонул в сладострастном рёве побеждённой нескрываемой лестью толпы:
- Квириты!

## 2

Поздним вечером в просторной комнате дома на Палатине разговаривали двое. Хозяин, худой и длинный, с лицом бледным, как восковые изображения его же собственных предков в атриуме, и гость, недавно переступивший черту «акме», черноволосый, густобровый, загорелый. Наливая вино в кубки, хозяин продолжал:

– ...своего мы добились – едет Милон, надо поддержать его достаточно сильной свитой. Пусть возьмёт головорезов с Субурры – от Клодия можно всего ожидать.

Помолчав немного, гость возразил:

– Вряд ли Пульхер помешает нам чем-нибудь сейчас. Однако Милону и без того трудно. Толпа требует союза с германцами, и, как ни тупы милоновы дружки, они поймут, если он будет действовать, вернее, бездействовать, слишком явно. В лучшем случае переговоры затянутся до весны.

– Этого и достаточно. Не позднее марта мы проведем в сенате закон о снятии проконсульских полномочий с Цезаря. Ну... а Помпей сильно увлёкся греческим, и мы не станем препятствовать развитию его литературных пристрастий.

Собеседники переглянулись довольные, словно знатоки игры латрункули, оценившие удачный ход. Пламя факелов дёргалось и рвало темноту триклиния. Говоривший последним приподнял чашу:

– Твоё здоровье, Марк Туллий. Ты весьма кстати вернулся... Ха-ах, хорошее вино. Признайся, там, в изгнании ты, верно, и забыл вкус фалернского?

– Нет, Фабий. К счастью, проконсул снабжал меня всем необходимым... Мм... Вино твоё действительно прекрасно... и ты знаешь, там я чувствовал себя меньше изгнанником, чем в Городе. Здесь все меня ненавидят, народ зовёт «мерзким законником», хорошие люди – выскочкой. Прямо не пойму, кому обязан переменой места.

– Ну... разве ты не знаешь: Город не любит тех, кто в нём, и обожает отсутствующих. Особенно удачливых полководцев. Вот почему Цезарь тем опаснее, чем он дальше.

Лицо Цицерона дёрнулось, словно от боли:

– Безумцы! Почему они не могут понять, если дать Цезарю сделать, что он хочет, наша гражданская община расползётся, как старое рубище странствующего философа-грека. Чем им не нравится тога? Её ткань прочна, в ней свободно движениям, она одинаково защитит от зноя и непогоды...

– Она не всем по плечу, Марк. Опять-таки у неё нет карманов, а жить на одно красноречие, оставив торговлю плебеям, могут позволить себе немногие. Слово Рима всё с большим трудом переходит в дело. Восток пал под натиском наших легионов, рассыпался в прах, но именно этот прах, а не хрупкие деспотии, является его истинной структурой. Наше оружие не изменило его, а обнажило, сделав явным то, что скрывалось – господство случайного и произвол. И именно в этом, истинном своём виде, Восток стал врагом идеи Города. Наша сила теряется в его многоликости, обнаруживает раскол в самой себе. Я не удивлюсь, если через десять лет мы увидим на берегах Тибра царицу не как пленницу, а с многочисленной свитой, поражающей наших зевак роскошью. Я не удивлюсь, если ещё через полста лет произвол безумца будет править Городом, закрывая собрания плащом страха, загоняя Слово в ущелье шёпота.

– Не дай Бог дожить до таких дней, Фабий. Хотя ты и из рода Медлителя, не будешь медлить, пока безумие одного и трусость других погасят свободное пламя слова. Ведь в этом пламени – свет, свет далёкого смысла, намекающий на выход из нашей темницы, и в луче которого мы так недолго и бестолково кружимся.

Фабий медленно растянул серые губы в улыбку:

– Марк, вчера на рынке я купил интересный свиток. Перейдём в библиотеку, я тебе его покажу, тем более, что твои слова заставили о нём вспомнить.

Когда друзья, покинув триклиний, поднимались по сводчатой галерее открытой лестницы на террасу, где в специальном помещении Фабий держал манускрипты, внимание их привлекла стройная рабыня с упругой высокой грудью, которую она, обнажённую подставляла лунным лучам. Цицерон в недоумении вскинул сросшиеся над переносицей брови.

– Это Урсула. Мне её привезли из Германии. Не удивляйся, Марк, у них сегодня какой —то праздник. Кроме того, германские девушки верят, что от лунного света кожа становится матовой. Ну, вот мы и пришли, – Фабий открыл дверь, пропуская гостя.

Помещение правильной кубической формы было залито колеблющимся светом масляных ламп. Только в круглое отверстие в потолке вливалось чёрное небо, усыпанное мириадами звёзд. Было прохладно. По бокам, на возвышениях вдоль стен, лежали многочисленные таблички, стояли ларцы из дорогого дерева. Фабий открыл один из них и вытащил свёрнутый папирус, поднёс к глазам Цицерона жёлтое полотно, испещрённое греческими каракулями:

«Представьте себе пещеру и людей в ней, сидящих спиной к выходу так, что отблески дневного света они видят на глухой стене перед собою. Пусть кто-то пронесёт мимо входа в пещеру силуэты животных, людей, растений, чтобы тени от этих силуэтов были видны сидящим напротив стены. Не будут ли они думать, что то, что видят и есть реальность, единственно существующее? Если вывести такого человека на свет, то глаза его заслезятся, и он будет закрывать их руками в поисках тьмы».

Порыв ветра покачнул пламя в зале. Цицерон поднял глаза на Фабия, потом ещё выше – к звёздам. Оторвавшись взглядом от них, вновь стал всматриваться в буквы на папирусе. Их было не меньше, чем звёзд. Зелёные лучи достигали букв, царапали по папирусу, старались сплестись с чёрной, завязанной в узелки нитью строки.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.